

— С середины лета до начала октября я прожил с Сашенькой в Ладушкине, ездил вместе со всеми на работу на станцию в зилловском фургоне военного образца, вроде того, в котором мы разъезжали в экспедиции по Поволжью, только с мягкими сиденьями вдоль бортов. Фургон был уже старый и довольно часто выходил из строя, тогда приходилось трястись на бортовом "газоне" с будкой над частью кузова. Каждое утро без двадцати девять машина отходила от жилого дома, отвозя сотрудников на работу; в час дня выезжала со станции на обед, без десяти два - с обеда на станцию, а в шесть вывозила всех со станции в Ладушкин. Сначала я занимался в библиотеке, где были все необходимые мне журналы, а потом переселился в пустовавший отдельный кабинет во втором, ближнем к заливу здании.

— На станцию я ездил не только из-за библиотеки, уж больно вообще мне там нравилось. Работать очень удобно, ничто не отвлекает, устанешь - можно выйти в лесок подышать воздухом, поискать маслят, или к заливу - полюбоваться видом, не то, что на кафедре, где весь день толкотня, разговоры (хоть и очень интересные), и только к вечеру, в безлюдье можно позаниматься.

— Моя дипломная работа, тему которой дал мне Борис Евгеньевич, представляла собой попытку улучшения результатов кандидатской диссертации Анатолия Гульельми из Института физики Земли. Гульельми разработал метод определения концентрации плазмы в магнитосфере Земли по периодам наблюдаемых на поверхности Земли геомагнитных пульсаций типа Pc-5, основываясь на теории собственных гидромагнитных колебаний магнитосферы. В этой теории силовые линии геомагнитного поля рассматриваются как упругие струны, которые могут колебаться под действием солнечного ветра. Однако оценки концентрации плазмы, выполненные Гульельми, оставались, как и в ранней работе японца Обаяши, завышенными по сравнению с другими данными, и Б.Е. предложил мне разобраться, в чём тут дело.

— В Ладушкине я изучил теорию магнитосферных резонансов и освоил методику Гульельми. Теперь мне нужно было ехать в Ленинград - отобрать магнитные данные по Pc-5 в Институте Арктики и Антарктики, чтобы потом провести самому расчёты концентрации плазмы в магнитосфере по этим данным. Кроме того надо было готовиться к вступительным экзаменам в аспирантуру, оформлять дипломную работу и, наконец, получить стипендию. За всеми этими делами я и отправился в октябре в Ленинград, оставив Сашеньку с Иринкой на попечении моей мамы и новых ладушкинских знакомых, с которыми мы начали понемногу сближаться.

В общежитие мне неожиданно пришла повестка из военкомата с требованием явиться на медкомиссию. Военные билеты офицеров запаса нам должны были выдать вместе с дипломами об окончании университета, а в райвоенкоматах по местам жительства мы пока продолжали числиться обыкновенными призывниками с отсрочкой военной службы на время учёбы. Я не посмел ослушаться предписания, категорично сформулированного в повестке: "Явка строго обязательна" с напоминанием об уголовной ответственности за уклонение от исполнения, и явился в назначенный срок на медкомиссию, где толпилось несколько десятков молодых парней.

Раздетые до пояса орлы медленно передвигались от стола к столу, расставленным вдоль периметра комнаты. Таблички на столах указывали наименования специальностей врачей, восседавших за столами. За столом с табличкой "Психиатр" сидел молодой ещё по сравнению с другими членами комиссии человек и читал книгу. На каждого проходящего мимо его стола он поднимал голову и спрашивал:

- К психиатру обращались?

Услышав стандартное "Нет", он опять утыкался в книгу. Подошла моя очередь, и на тот же вопрос я браво ответил:

___ - Обращался! - с интересом ожидая его реакцию. Врач задумчиво посмотрел на меня и спросил:

___ - А что, лечились где-нибудь?

___ - Так точно, - говорю, - лечился!

___ - И где же?

___ - В психо-неврологической клинике имени Павлова по поводу невроза навязчивых состояний.

___ - А на учёте состоите в диспансере?

___ - Не знаю. Вообще-то меня оттуда направляли в клинику, а больше я там не был.

___ Врач встал из-за стола, взял мою медицинскую карточку и велел идти за ним. В комнате с телефоном он позвонил в психдиспансер, чтобы выяснить, стою ли я там на учёте. Оказалось - стою. Тогда, ничего не говоря мне, он записал что-то в моей карточке и велел идти к председателю медкомиссии. Тот, в свою очередь, глянув в карточку, составил следующее заключение: "Ограниченно годен к нестроевой в мирное время" и выдал мне соответствующую бумажку с этой формулировкой.

___ Это означало фактическое освобождение от военной службы. А ведь я даже до окулиста ещё не дошёл. Для чего же я тогда мучился на военной кафедре и в лагерях?

___ Психиатр из медкомиссии показался мне чем-то симпатичным, и я решил попробовать поговорить с ним. Медкомиссия работала быстро, и скоро рядом со столом психиатра никого уже не было. Я подошёл к углублённому в чтение врачу и попросил его уделить мне несколько минут. Врач доброжелательно согласился

___ Я коротко рассказал ему о своей болезни, о том, как меня лечили, что посоветовала мне старушка-медсестра, как я занимаюсь самолечением - борюсь с задержками. У меня в портфеле были конспекты, и я мог прямо показать места задержек. К этому времени прогресс в моей борьбе с неврозом несомненно имел место, но не настолько, чтобы можно было сказать, что я избавился от заскоков. Они были, иногда даже и в острой форме, то есть я закикливался, но в панику я теперь уже не впадал и сравнительно быстро выкарабкивался в равновесное состояние.

___ Но достаточно ли того, что я делаю? - вот, что мне хотелось спросить у психиатра из медкомиссии, который вызывал у меня чувство доверия своей мягкой интеллигентностью, хотя бы внешней.

___ Психиатр внимательно меня выслушал и сказал, что всё правильно, и никаких других советов он дать не может. Надо приучаться жить с неврозом, стараться не обращать на него внимания, не воспринимать как трагедию то, что он не исчезает, побольше увлекаться вещами, не связанными с писанием, чаще бывать на свежем воздухе, заниматься спортом, - и, возможно, невроз пройдёт, хотя Фрейд и считает его неизлечимым, во всяком случае быстрых успехов ожидать не следует, но жить в целом полноценно и с таким неврозом можно. Раз я продолжаю учёбу и даже собираюсь поступать в аспирантуру, - значит, всё идёт нормально.

___ Мы приветливо распрощались с ним. То, что я не услышал новых полезных советов, не огорчило и не разочаровало меня. Значит, я - молодец, и всё, действительно, идёт нормально. Эта беседа уже тем сыграла свою целительную роль, что подкрепила мою уверенность в правильности действий и вселила в меня изрядный заряд бодрости. Помню, что возвращался с медкомиссии я в очень приподнятом настроении.

___ А как же с выданной мне справкой об "ограниченной годности к нестроевой в мирное время"? Я спросил об этом на военной кафедре. Там мне сказали:

___ - Для Вас эта справка не имеет никакого значения. Если хотите "белый билет" получить, то должны пройти офицерскую медкомиссию, ведь Вы уже офицер запаса.

___ У меня на носу был диплом и, конечно, ни на какие медкомиссии я больше не ходил, получив в конце концов полноценный военный билет младшего лейтенанта-инженера запаса. Так что я имел возможность освободить себя на будущее от всяких военных

сборов и командирских занятий, на которые впоследствии тратил впустую по две недели раз в три года, но не воспользовался ею.

([продолжение следует](#))